

АРХЕОЛОГИЯ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ И ИХ ПРОТОТИПЫ ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ И ЗАУРАЛЬЯ

В.А. Борзунов

Намечены шесть этапов распространения укрепленных поселений в Старом Свете в VIII тыс. до н.э. — III в. н.э. Дана общая характеристика 10 неолитических городищ и их прототипов VI–IV тыс. до н.э., открытых в тайге Западной Сибири и Зауралья, а также рассмотрены причины их формирования. Неолитические лесные укрепления — площадью от 260 до 1900 м², расположены на мысах, краях террас и в глубине берега, защищены частоколами, бревенчатыми стенами и рвами. Они были построены и, возможно, изобретены первобытными коллективами таежных рыбаков и охотников. Их появление связано главным образом с разделом и закреплением относительно свободных промысловых территорий в условиях притока нового населения с юга в период климатического оптимума и жесткой конкуренции между общинами.

Западная Сибирь, Зауралье, неолит, укрепленное поселение.

Этапы распространения древних укреплений в Евразии

Одним из последствий неолитической революции, обусловленной зарождением производящего хозяйства, стал генезис укрепленных поселений и их прототипов — селищ на естественно защищенных местах, башенных жилищ, городищ и протогородов, окруженных подпорными, обводными и оборонительными стенами, рвами и водоотводными канавами. Первые укрепления были построены в VIII–VI тыс. до н.э. ранними земледельцами-скотоводами Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья (Иерихон А, Б, Телль Магзалия, Телль Эс-Савван, Хаджилар II, Чатал-Хюкк, Хирокития и др.). В V–IV тыс. до н.э. ареал строительства укрепленных объектов включал Переднюю Азию, отдельные области Европы (юг Италии, запад Франции, Западное и Северное Причерноморье) и Средней Азии (юг Туркмении). В III — середине II тыс. до н.э. укрепленные городские и культовые центры появились в долинах Нила, Инда, Хуанхэ, Северо-Восточном Иране и Северном Афганистане. Более простые типы укрепленных поселков начали сооружаться на большей части Западной Европы (исключая ее северные территории), Кавказе, в степях и лесостепях Евразии. Следующие три волны распространения укрепленных поселений приходятся на конец эпохи бронзы (XII–IX/VIII вв. до н.э.), первую (VIII/VII–IV вв. до н.э.) и вторую (IV/III в. до н.э. — III в. н.э.) половину раннего железного века.

Расширение зоны производящей экономики в VI–IV тыс. до н.э. связывают с культурной диффузией, обусловленной интенсификацией межэтнических общений, в том числе обменных операций, а также с переселениями групп земледельцев-скотоводов из Передней Азии и Восточного Средиземноморья на окружающие территории. По всей вероятности, в системе новшеств неолита (производящая экономика, глиняная посуда, мелкая пластика, крашенный декор, усовершенствованный орудийный комплекс, оригинальная планировка и архитектура поселений, земледельческие культы и т.д.) охватывала новые регионы идея укрепленного поселения¹. Строительство оборонительных сооружений вокруг поселков в очагах раннего земледелия и скотоводства диктовалось комплексом причин, в первую очередь необходимостью эффективной защиты общинных земель и произведенного на них сельскохозяйственного продукта от соседей и варваров, демографическим взрывом и увеличением плотности населения, как следст-

¹ В изолированном, своеобразном и, по мнению большинства ученых, автохтонном восточном (китайском) очаге раннего земледелия элементы защитных систем вокруг поселков (полифункциональный ров глубиной 6 м вокруг Баньпо) могли возникнуть даже в IV тыс. до н.э., причем независимо от западного импульса. Вместе с тем этот очаг — более поздний, чем ближневосточный. Здесь в неолите (культуры яншао, баньпо и др.) также производилась крашенная керамика, как в Средней Азии (Геоксюр 1, 9, Ялангач-депе, Мулалли-депе, Саразм), Причерноморье (Триполье — Кукутени) и Передней Азии (Хассуна, Халаф, Убейд и др.). На Ближнем Востоке расписная посуда фиксируется с VII по IV тыс. до н.э. Это не исключает версию заимствования древним населением Китая из сопредельных регионов Азии некоторых неолитических достижений, включая идею укрепления.

Неолитические укрепления и их прототипы таежного Приобья и Зауралья

вие — резко возросшей военной активностью. Более мощная волна войн и строительства укреплений в конце III — середине II тыс. до н.э. была связана с массовыми миграциями скотоводов, начавшимися в Анатолии и Юго-Восточной Европе, охватившими на востоке евразийские степи от Причерноморья до Минусинской котловины.

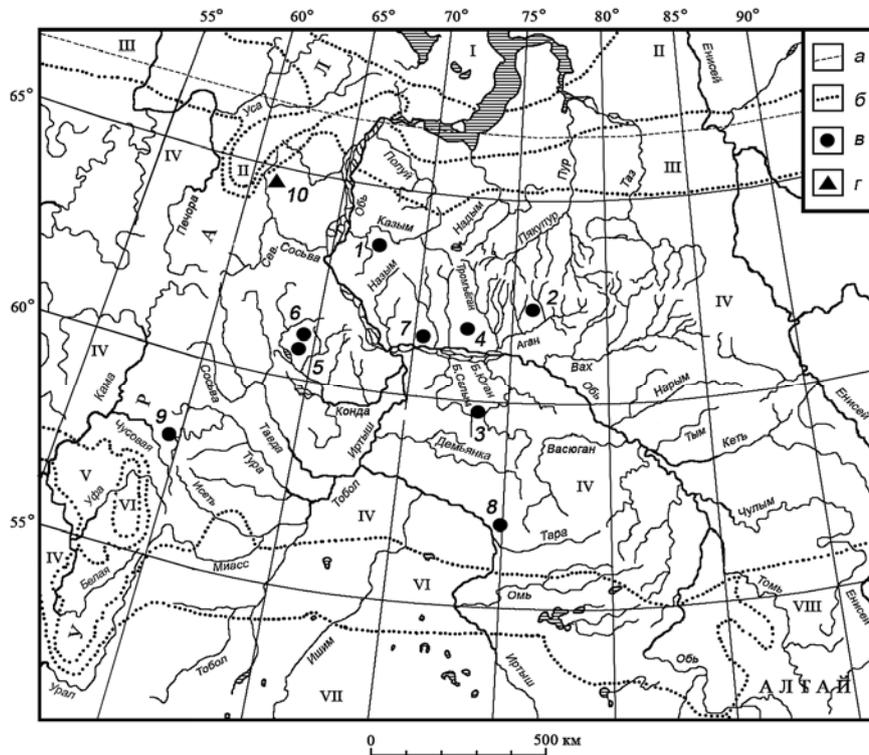

Рис. 1. Карта неолитических укрепленных поселений и их прототипов Западной Сибири и Зауралья: 1 — городище Амня I; 2 — городище Имньеган 2.1; 3 — городище Каюково 2; 4 — поселение Быстрый Кульеган 66; 5 — поселение Бол. Умытья 9; 6 — поселение Бол. Умытья 57; 7 — поселение Мишкино 5; 8 — поселение Усть-Тара XXVIII; 9 — поселение Полуденка I; 10 — поселение Чэс-Тый-Яг. Условные обозначения: а — Северный полярный круг; б — границы современных природно-климатических зон (I — тундра; II — лесотундра; III — редколесье; IV — тайга; V — широколиственно-лесная; VI — лесостепь; VII — степь; VIII — горные районы); в — поселения с остатками фортификаций и дренажных систем; г — поселение на острове среди болот

Крайние северные в Евразии неолитические городища, укрепленные жилища, их прототипы и естественно защищенные «островные» поселения открыты в таежном Приобье и горно-лесном Зауралье. Их известно пока не более десятка, все они сосредоточены в полосе между 56° 40' и 64° 14' с.ш. (рис. 1, 2, 4–8). Первоначально эти памятники, даже самые ранние (Амня I, Каюково 2), на основании сравнительно-типологического анализа керамики и первых радиоуглеродных определений, были отнесены к позднему неолиту [Морозов, Стефанов, 1993, с. 168; Стефанов и др., 1999; Ивасько, Кондрашев, 2001, с. 3; Ивасько, Кардаш, 2002; Ивасько, 2002а, б]. Результаты последних радиоуглеродных тестов [Косинцев и др., 2004] и разработка периодизации неолитических памятников севера Западной Сибири [Косинская, 2006, с. 22] внесли свои коррективы. Ныне древнейшие из интересующих нас объектов датированы ранним неолитом (VI–V тыс. до н.э.): городища Амня I, Каюково 2 (4 даты), поселение Мишкино 5 [Косинцев и др., 2004, табл. 5; Стефанов, Борзунов, 2008; Ивасько, 2003; 2008, с. 112–122] — и концом раннего неолита (около V тыс. до н.э.): поселения Бол. Умытья 9 [Погодин, 2010], Бол. Умытья 57 [Погодин, Миронов, 2009]; остальные — поздним неолитом (конец V — IV тыс. до н.э.): городище Каюково 2 (2 даты), поселения Быстрый Кульеган 66 [Косинцев и др., 2004, табл. 5, 6; Косинская, 2000; 2001; 2002в; 2004; 2006, с. 16–24; Поселение Быстрый Кульеган 66..., 2006], Усть-Тара XXVIII [Горбунова, Толпеко, 2002], Чэс-Тый-Яг [Чернецов, 1953, с. 12–14; Старков, 1969а; Васильев, 1985, 1987а, б, 2004], Полуденка I [Бадер, 1948а, б, 1949], городище Имньеган 2.1 [Бес-смертных, Карачаров, 1996; Первалова, Карачаров, 2006, с. 46–47]. По климатической шкале

эти памятники соответствуют атлантическому — началу суббореального периода голоцена. На других северных территориях Старого Света, тем более Америки, городищ каменного века не обнаружено.

Формирование неолитических городищ в лесной полосе Западной Сибири и Зауралья тесно связано с особенностями происхождения неолитических культур в данных регионах, экстенсивным характером присваивающей экономики обитателей Севера и общим прогрессом древнего строительства в тайге.

Генезис культур неолита в лесном Приобье и Зауралье

Существуют две точки зрения на формирование неолитических культур в лесном Приобье и Зауралье: «миграционная» и «автохтонно-миграционная» («культурной диффузии»).

Согласно первой, определяющее значение в культуругенезе на севере Западной Сибири в неолите и энеолите имели миграционные процессы [Васильев, 1987а, с. 13–14; Ковалева, 1989, с. 62; 1999, с. 25–27; Ковалева, Зырянова, 2008, с. 112]. При выделении культурных образований авторы этой гипотезы опирались в основном на характеристики керамических комплексов, а новые типы памятников соотносили с культурно-хронологической шкалой Среднего Зауралья и Нижнего Приобья. С учетом этого решалась проблема генезиса таежных поселений, в том числе укрепленных. Появление керамики и долговременных поселков в западно-сибирской лесостепи и тайге, до этого заселенных полуоседлыми группами мезолитических охотников, рыболовов и собирателей, считалось результатом быстрых прямых и неоднократных миграций неолитического населения из Передней Азии, Юго-Восточной Европы, Прикаспия и Приаралья. Предпосылкой этих переселений стало потепление климата в конце бореального — начале атлантического периода голоцена [Васильев, 1991, с. 31–33; Ивасько, Кардаш, 2002, с. 41–42; Ивасько, 2002б, с. 23–24; 2008, с. 120–121; Зах, 2003, с. 15–16; 2005, с. 60–70; Зах, Исаев, 2010, с. 6, 8, 13]. В среднюю и северную тайгу южное население продвигалось через лесостепь по разветвленной системе рек обского бассейна. На р. Конду оно могло попасть также из Среднего Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2008, с. 114]. В последнем регионе, по мнению В.Т. Ковалевой, имели место две линии развития. Автохтонная была представлена раннеолитической козловской культурой и сменяющей ее позднеолитической полуденковской, а пришлая — кошкинской и боборыкинской. Последние культуры сформировались в результате одновременных миграций. Кошкинская, датирующаяся V тыс. до н.э., была связана с культурами Нижнего Поволжья (джангарская, орловская), а более поздняя боборыкинская (рубеж V–IV — конец IV тыс. до н.э.) — с раннеземледельческим миром Каспийско-Причерноморского региона, Кавказа и Ближнего Востока. Роль боборыкинской культуры в культуругенезе Западной Сибири была незначительна и уступала влиянию кошкинской. Продвижение мигрантов в северные районы Зауралья происходило под давлением местного населения. Вступая с ним в контакты, пришельцы постепенно утрачивали свои этнические традиции [Ковалева, 1989, с. 14–16, 61–63; 1999, с. 25–26; 2006, с. 55; Ковалева, Зырянова, 2008, с. 109, 112]. Впрочем, тюменские исследователи полагают, что боборыкинские памятники и сходные с ними северные культурные типы логичнее считать раннеолитическими, а кошкинские — производными от них — позднеолитическими [Зах, 1993, с. 60; 1995, с. 26, 27; 2003, с. 23–26; Зах, Исаев, 2010, с. 6, 13].

Происхождение древнейшего в Приобье и крайнего северного неолитического городища в мире Амня I и амнинской культуры некоторые уральские археологи первоначально связывали с продвижением в сибирскую тайгу из Зауралья населения боборыкинской культуры с прочерченно-накольчатой керамикой. Наличие гребенчато-ямочной посуды на этом памятнике считалось свидетельством контактов пришельцев с аборигенами [Морозов, Стефанов, 1993, с. 166, 168; Ковалева, 2006, с. 55]. В последней монографии В.Т. Ковалева и С.Ю. Зырянова уточнили, что боборыкинская культура сформировалась, по всей вероятности, в результате миграции населения из Кавказского Причерноморья (поселения Нижнее Шиловское, Одиши, Кистрик) и предположили ее генетическое родство с раннеземледельческим миром Передней Азии. Вместе с тем они отметили, что амнинский тип керамики и памятников, выделенный по городищу Амня I, скорее всего, не имеет никакого отношения к боборыкинской культуре. Более того, без аргументов авторы заявили, что население, оставившее памятники типа Амни I, представляло наиболее древних переселенцев из районов раннего земледелия, умевших не только изготавливать керамику, но и возводить укрепленные поселения [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 22, 268, 288, 295].

Неолитические укрепления и их прототипы таежного Приобья и Зауралья

В качестве главного аргумента массовых переселений в лесном Приобье и Зауралье сторонники «теории миграций» приводят наличие здесь плоскостной посуды с прочерченными и накольчатыми узорами. Ее связывают с южными мигрантами — праиндоевропейцами или древними индоевропейцами. Гребенчатая и ямочно-гребенчатая орнаментальные традиции считаются местными. Авторами первой могло быть праугорское или древнее финно-угорское население, а второй — прасамодийское. Последнее утверждение, правда, весьма спорно. Помимо керамики, переселенцы из степей принесли в лесную зону навыки строительства округлых в плане углубленных жилищ, геометрические микролиты, каменные наконечники стрел и «утожки» — выпрямители древков стрел [Зах, Исаев, 2010, с. 5–8]. Еще одним доводом в пользу миграции ранних земледельцев-скотоводов вглубь тайги является сложная планировка городища Каюково 2. Его исследователи утверждают, что данный объект был построен по принципу арийской «мандалы» (вписанный в круг квадрат или многоугольник) и имеет прямые аналогии в круглоплановой архитектуре Древней Анатолии VII–III тыс. до н.э. (Чатал-Хююк, Хаджиляр 1, Демирчинуюк) [Ивасько, Кардаш, 2002, с. 41–42].

В соответствии со второй гипотезой, «автохтонно-миграционной» или «культурной диффузии», культурные образования северного неолита Западной Сибири являются составной частью неолитической Урало-Западносибирской культурной общности (УЗС КО). Они формируются на местной основе («мезолитический субстрат») при участии мигрантов с юга и развиваются в условиях тесных связей с неолитическими обществами Приаралья, Прикаспия, Алтая и других регионов. В качестве источниковой базы исследования привлекаются керамические комплексы, каменный инвентарь, домостроительство, социально-экономические системы. Согласно этой гипотезе, восприятие неолитических новаций населением Сибири происходило не в результате массовых миграций земледельцев-скотоводов в тайгу, а в процессе инфильтрации степных неолитических групп в южную часть Урало-Западносибирского ареала. При этом переселенцы приспосабливались к местным природно-климатическим и социально-экономическим условиям постепенно, вступая в длительное и разностороннее взаимодействие с аборигенами края. Далее на север из лесостепи мигрировали смешанные коллективы, и действовал механизм «культурной диффузии» — культурных влияний-импульсов с юга. Одним из последствий этого является распространение в тайге — при посредничестве лесостепных групп — глиняной посуды. Иными словами, «продвижение керамики на север» рассматривают «...как результат культурной диффузии, т.е. как поэтапное заимствование готовой технологии все более северными группами населения УЗС КО — последнюю стадию процесса, начавшегося еще в период «неолитической революции» на Ближнем Востоке. Передающими звеньями этой культурной инновации из степей должны были служить культуры южной (лесостепной) части ее ареала» [Косинская, 2002а, с. 222]. В целом между культурами Западной Сибири и соседних южных территорий наблюдается сходство в прочерченно-накольчатой керамике при различии в каменном инвентаре и домостроительстве [Глушков, Соболюшкова, 1999, с. 108–122; Косинская, 1999а, с. 27–28; 1999б, с. 39–40; 2002б, с. 172–178; 2006, с. 21–23; 2010, с. 13–24].

В этом ключе, с некоторыми нюансами, на наш взгляд, следует решать и проблему происхождения древнейших крепостей в таежном Приобье.

Все население данного региона, как и на большинстве территорий земного шара, является пришлым. Тем не менее вряд ли можно считать все неолитические и энеолитические коллективы Зауралья и Западной Сибири только выходцами из степей либо только потомками местных мезолитических групп. В процессе освоения севера Евразии имело место множество миграционных волн, характер, особенности и последствия которых были неодинаковы. Освоение Севера было сложным, долговременным и многоступенчатым процессом. Я и мои коллеги признаем миграции, их большую роль в истории Сибири, но считаем прямые и дальние переселения, особенно меридиональные «марш-броски», пересекающие в сжатое время несколько природно-климатических зон Урала, Западной Сибири и соседних регионов, явлением маловероятным [Косинская, 2002а, с. 215–223; 2006, с. 22–23; Корякова, 2009, с. 343–344]. Кроме того, крайне сомнительно, что с потеплением климата ранние земледельцы южных нагорий и степей в массе устремились в тайгу, в одночасье забыли навыки производящего хозяйства, отказались от привычного уклада жизни, сразу адаптировались к условиям Севера, его суровому климату, сильно разветвленной речной системе, бескрайним лесам и болотам, гнусу, дефициту каменного сырья и превратились в таежных, а затем — арктических охотников и рыболовов. В древности миграции происходили главным образом в широтном направлении, в пределах одной-двух

природно-климатических зон, реже — в меридиональном, в рамках двух-трех соседних подзон. В периоды климатических оптимумов (неолит, начало — середина эпохи бронзы, вторая половина раннего железного века) степные группы осваивали южную лесостепь, жители лесостепи мигрировали на кромку лесных массивов, северные общины перемещались по тайге, заходили в лесотундру и тундру. В периоды похолодания и резкого увлажнения (энеолит, рубеж бронзового и железного веков) намечалось обратное движение, но также медленное и локальное. Великие миграции были редки.

Я считаю вполне вероятными переселения в неолите небольших коллективов охотников-рыболовов с жарких и засушливых территорий Поволжья, Казахстана, Средней Азии, из предгорий Алтая вниз по Волге, Уралу, Тоболу, Ишиму, Иртышу, Оби и другим рекам в уралосибирскую лесостепь (возможно, вслед за мигрировавшими животными), их длительную адаптацию к местным природным условиям и иному социальному окружению, постепенное продвижение гетерогенного населения лесостепи на соседние таежные территории, занятые потомками мезолитических этносов. В процессе освоения северных районов Евразии формировались торгово-обменные пути и информационные коридоры, позволявшие некоторым новшествам юга проникать в тайгу без обязательного притока степного земледельческо-скотоводческого населения.

Тенденция развития древних жилищ таежного Приобья

Стационарные долговременные и сезонные поселки эпохи мезолита северо-запада таежного Приобья и бассейна Пура малочисленны: их известно не более 50 (для сравнения: в Среднем Зауралье таких — 140). Исследованные на них объекты — одно- и двухкамерные наземные постройки со слабо углубленными полами и без таковых [Погодин, 2006, с. 8–9]. В неолите стационарные жилища представлены в основном землянками и глубокими полуземлянками, в энеолите — полуземлянками, в начале бронзового века — высокими наземными домами с углубленными полами, в раннем железном веке — наземными сооружениями с неуглубленными или слегка углубленными полами [Очерки культурогенеза..., 1994, с. 90–103, 176–202, 275–295]. С энеолита наблюдается тенденция постепенного выхода жилищ на поверхность. Аналогичное явление зафиксировано О.Н. Бадером для древних построек Прикамья. Такое изменение в домостроительстве обусловлено отнюдь не улучшением климата в Северной Евразии: на протяжении голоцена он менялся здесь циклически. Неолит характеризовался климатическим оптимумом: теплой и умеренно-влажной обстановкой, наступившей около 7,5–8 тыс. л.н. вслед за мезолитом — влажным и прохладным периодом (бореал — начало атлантика). В энеолите (III тыс. до н.э.) вновь отмечено похолодание, завершившееся новым оптимумом в начале — середине эпохи бронзы (конец III — середина II тыс. до н.э.). Очередное похолодание и резкое увлажнение пришлось на рубеж бронзового и железного веков (начало I тыс. до н.э.). Сооружение в лесной зоне самых глубоких жилищ именно в неолите объясняется, вероятно, тем, что переселенцы с южных территорий, не были первоначально приспособлены к суровым условиям Севера. Уходившие глубоко в грунт землянки должны были обеспечить сносное существование зимой их обитателям. Дальнейшие изменения обусловлены общим прогрессом в домостроительстве: переходом от каркасно-столбовых построек к более теплым и совершенным бревенчато-столбовым, затем — к монолитным бревенчатым домам с самонесущими стенами, в том числе срубными. Безусловно, на домостроительство (в частности, на размеры домов, их конструкцию, наличие одной, двух или нескольких камер), а также планировку и площадь поселения оказывали влияние численность, социальная структура и особенности хозяйственной деятельности каждой общины. Легкие наземные шалаши и чумы с каркасом из жердей, покрытые берестой и шкурами животных, возводились на стоянках и селищах Зауралья и Приобья как минимум с мезолита. Небольшие землянки, полуземлянки и домики на сваях сооружались также до современности, но обычно использовались в качестве узкоспециализированных объектов — погребов, хранилищ, производственных и культовых помещений.

Неолитические лесные укрепления и их прототипы

Неолитические укрепления таежного Приобья и Зауралья, а также их прототипы были большими: площадью 260–900 м², реже — 1600–1900 м². По сравнению с объектами предыдущих эпох, их планировка и архитектура вариативнее, сложнее и совершеннее, не говоря уже о наличии не известных ранее оборонительных систем вокруг некоторых поселков или их частей.

Неолитические укрепления и их прототипы таежного Приобья и Зауралья

В целом памятники довольно разнообразны. Первые девять представлены мысовыми одноплощадочными и, возможно, двухплощадочными городищами (Амня I, Имньёган 2.1); одноплощадочными кольцевыми укреплениями на мысу (Бол. Умытья 9, Полуденка I) и гриве (Каюково 2); подпрямоугольного плана трехплощадочным укреплением на мысовидном выступе (Бол. Умытья 57); малыми укрепленными жилищами на стрелках мысов (Амня I — первый этап, Микишино 5); предшественниками больших (360–400 м²) прямоугольных укрепленных жилищ на краю террасы (Быстрый Кульёган 66) и в глубине берега (Усть-Тара XXVIII). Десятый неолитический поселок — Чэс-Тый-Яг — самый большой в таежном Приобье, «островного» типа, не имел искусственных укреплений, но был защищен естественным образом. Его построили на мысу коренного песчаного останца, окруженного топкими болотами; из 19 выявленных на нем землянок все 5 раскопанных функционировали одновременно [Чернецов, 1953, с. 12–14; Старков, 1969а; Васильев, 1985, 1987а, б, 2004].

Количество жилищ на первых девяти поселениях варьируется от одного до трех (Амня I — первый, второй этапы, Быстрый Кульёган 66, Бол. Умытья 9, Бол. Умытья 57, Микишино 5, Полуденка I, Усть-Тара XXVIII, возможно, Имньёган — постройка № 7), реже — до пяти-семи (Каюково 2, Имньёган 2.1 — вторая площадка, вероятно, Амня I — поздний этап). Стационарные постройки представлены землянками и полуземлянками каркасно-столбовой конструкции с квадратными и прямоугольными котлованами, укрепленными деревянной опалубкой. Полы помещений горизонтальные, покрыты охрой и частично — деревянным настилом. Жилища сгорели в древности, в их котлованах обнаружены остатки обугленных конструкций, очагов, хозяйственных ям, дренажных канавок и ямок от столбов. Наземная часть построек сооружалась из бревен, жердей и плах. Она четырехскатная, усеченно-пирамидальной формы, с наклоном стен от 30 до 45° и высотой от пола до 2,5 м (для предотвращения задымления помещения и пожара в нем). Крыша и верхняя часть стен жилища опирались на систему лаг, закрепленных на вертикальных столбах, установленных в котловане. Основание стен находилось за пределами котлована и было присыпано песком. Крыша плоская с отверстием для дымохода, закрывавшимся крышкой из жердей и берестяных полотнищ. Входы в землянки устраивались в одном из скатов перекрытия у края котлована, а в помещение можно было попасть по приставной лестнице. Некоторые полуземлянки имели выступавшие наружу крытые тамбуры. У стенок котлованов располагались деревянные нары-лежанки; заплечики котлованов использовались для хранения вещей, посуды и других предметов. Наземная часть жилища, покрытая мхом, корой, гумусом и песком, выглядела как невысокий (1,5–2,0 м) холм (рис. 2). Некоторые исследователи (Л.В. Иваско, О.В. Кардаш) предполагают наличие построек с вертикальными стенами из колотых досок, установленными непосредственно в котлован. Жилища такой конструкции в Западной Сибири маловероятны: они легко затапливаются во время ливней и таяния снега. Постройки большей частью однокамерные; известны также двух- и многокамерные, выстроенные в линию (Быстрый Кульёган 66, Имньёган 2.1 — вторая площадка) или концентрически (Каюково 2). В некоторых домах между двумя камерами предполагаются стены-переборки (Быстрый Кульёган 66). В теплое время года около жилищ возводили легкие строения и навесы, оборудовали очаги и хозяйственные ямы, места для обработки рыбы, шкур, камня и производства керамики.

Наиболее сложной планировкой отличались городища Каюково 2, Имньёган 2.1 и Амня I. В первом случае это были расставленные по кольцу шесть построек (№ 1–5, 7), соединенные между собой и с центральным домом (№ 6) короткими крытыми коридорами с углубленными полами. Во втором случае — большая землянка (№ 7) на оконечности мыса была оконтурена с напольной стороны рвом, а жилища на второй площадке выстроены в две линии, разделенные свободным пространством. При этом три постройки, сориентированные вдоль края мыса (№ 1–3), были соединены короткими коридорами; вторая группа землянок (№ 4–6) располагалась вдоль вала, а две из них (№ 4, 5) имели крытый переход. На стрелке мыса городища Амня I находилась одна большая землянка (№ 1), огороженная с напольной стороны рвом; затем ров засыпали, на его месте были возведены две малые полуземлянки (№ 2, 3), защищенные с напольной стороны частоколом и новым рвом. За пределами этой «цитадели» построили большие землянки (№ 4, 8, 9) и летние объекты под навесами — очаги и места для обработки камня. К началу строительства внешней фортификации жилища № 8 и 9 были уже разрушены и руинированы. Их остатки частично были прорезаны третьей фортификацией. Возможно, вторую оборонительную линию не разобрали, и укрепление превратилось в двухплощадочное. На второй площадке, вероятно, были сооружены новые землянки (№ 5–7), близ внешнего вала оборудованы

довано большое кострище, а центр площадки оставлен свободным (рис. 2). На других памятниках одиночные жилища находились в центре огороженной территории (Бол. Умытья 9 — сооружение № 1, Микишкино 5) или в одной из ее половин (Бол. Умытья 57 — восточная площадка, объект № 1). Двухкамерная постройка поселения Быстрый Кульёган 66 занимала почти всю площадку, ограниченную рвом, так же как предполагаемые три жилища Полуденки I, ориентированные торцами к центру.

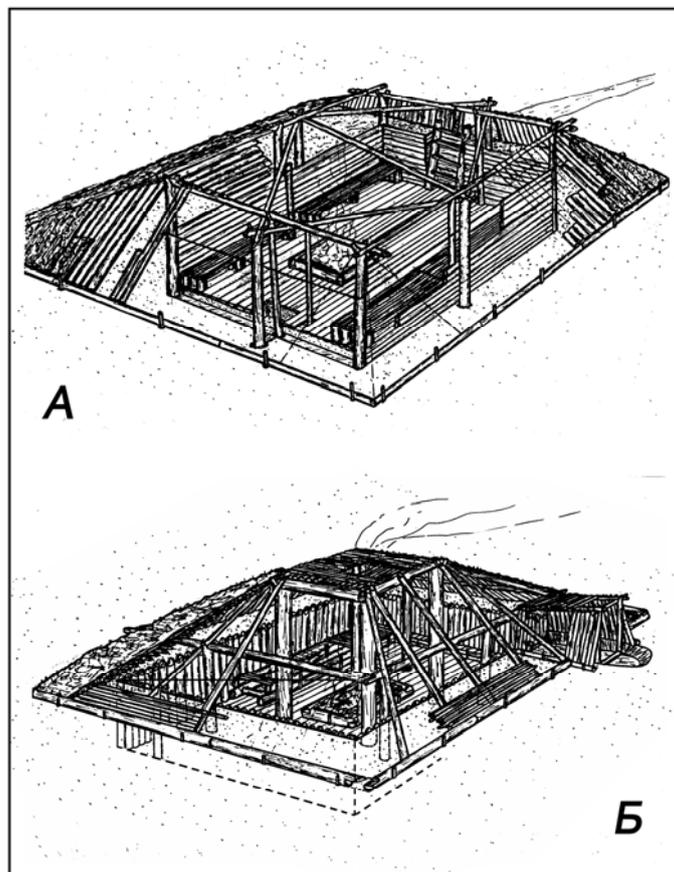

Рис. 2. Городище Амня I. Жилища 1 (А) и 4 (Б): А — раскопки В.М. Морозова, Б — раскопки В.М. Морозова и В.И. Стефанова. Реконструкция В.А. Борзунова

Защитные стены укреплений — однорядные, обычно частокольные, присыпанные в основании песком. Их остатки — сохранившиеся под валами траншеи треугольного и подтрапециевидного профиля, шириной от 0,3 до 1,12 м, глубиной 0,4–1,2 м, заполненные углистой супесью (Амня I, Бол. Умытья 9, Бол. Умытья 57, Полуденка I). По-видимому, возводились также оборонительные стены горизонтальной кладки, в первую очередь на склонах мысовых городищ Амня I и Имнъеган 2.1: типа заплота или забора, укрепленного вертикальными столбами, либо стены-«тургэ», опиравшейся на растущие и частично спиленные деревья. Я не исключаю наличие изгороди вдоль внутреннего края прерывистого ровика на поселении Быстрый Кульёган 66, остатками которой являлись ямки от столбов, хотя это отрицают авторы раскопок. На городище Каюково 2 предполагается два варианта защиты: частокол в узкой кольцевой канаве или соединенные между собой внешние стены построек, выстроенных по кольцу. Изнутри к оборонительным стенам пристраивались помосты для наблюдения и стрельбы из лука, снаружи — опоры-контфорсы: следы одного из них выявлены у внешнего частокола Амни I. Выкопанные в песке рвы, шириной по верху от 1,2 до 5,0 м, глубиной от 0,6 до 1,5 м, в разрезе трапециевидные, с плоским дном, вертикальными или слегка отогнутыми стенками, укрепленными деревом. С внутренней стороны рва оставлялась узкая горизонтальная площадка — берма, замедлявшая быстрое осыпание песка из вала в ров. Напольные фортификации в глубине мысов и на гривах —

Неолитические укрепления и их прототипы таежного Приобья и Зауралья

замкнутые кольцевые и прямоугольные, на стрелках мысов — прямые поперечные, слабоизогнутые и угловые. Тем не менее общая система оборонительных стен всегда была замкнутой. Проходы в стенах оборудовались воротами. Наиболее сложные входные коридорные устройства можно предположить на городище Каюково 2 и поселении Бол. Умытья 9.

При поиске аналогов неолитическим укреплениям Севера можно обратиться к близким по времени обширным мысовым городищам с поперечными земляными валами и рвами, укрепленными камнем, и большим круглоплановым селищам с глинобитной архитектурой, выявленным в энеолитических культурах Триполье — Кукутени, датирующимся, согласно традиционной хронологии и некалиброванным радиоуглеродным датам, V–IV тыс. до н.э. На высоких мысах, в том числе защищенных со стороны поля глубокими рвами и высокими валами, сооружались поселения культур Зимно — Злота и воронковидных кубков IV — середины III тыс. до н.э. (Зимно, Винники). В культуре Зимно — Злота известны также площадки размерами 300×90 м, огороженные концентрическими рвами (Злота, Стжишов), которые считаются загонами для скота (см.: [Массон и др., 1982, с. 166–231, 256, 259–260, табл. LXIX, LXXIX]). Весьма просто и заманчиво объявить данные объекты прообразами сибирских городищ. Но это сходство скорее случайное, формально-типологическое, чем реальное. Ничего общего, кроме этого, у земледельцев-скотоводов обширного ареала культур крашеной керамики с рыболовами-охотниками тайги, производившими посуду с отступающе-накольчатый, гребенчатый и ямочный декором, нет. В Средней Азии и Китае, где также использовалась расписная глиняная посуда и возводились укрепления, мысовые и кольцевые городища в эпоху камня не известны.

Можно предположить заимствование северными народами самой идеи укрепленного поселения у далеких племен Причерноморья и юга Средней Азии. Однако механизмы передачи данного новшества неясны. При современной источниковой базе более вероятен конвергентный генезис укреплений в тайге.

Мысовые естественно и искусственно укрепленные поселки встречаются везде, где имеется соответствующий рельеф местности, достаточный уровень развития общества и существует необходимость в защитных сооружениях. То же можно сказать о береговых, островных, болотных и горных укреплениях. Кольцевые фортификации и круговая расстановка жилищ наиболее эффективны для защиты поселений, расположенных на равнинах. Более того, возведение построек по кругу соответствуют планировке ранних первобытных селищ: размещению жилищ и других объектов вокруг центральной площадки с очагом. Такие кольцевые поселения встречались в Старом и Новом Свете во все времена и эпохи. Вследствие этого привязывать мысовые городища и кольцевую планировку лесных укреплений только к архитектурным традициям Причерноморья и Ближнего Востока, по меньшей мере, неубедительно.

Что же касается типов северных неолитических городищ и разновидностей их деревоземляных фортификаций, то они — явно местные.

Бесспорным изобретением населения лесной зоны Западной Сибири являются оригинальные деревоземляные укрепленные жилища. Несмотря на то, что оборонные жилища (как правило, башенные каменные и глинобитные) широко распространены с древности до наших дней от Балеарских островов до Китая (см.: [Джандиери, 1981; Чебоксаров, Чебоксарова, 1984, с. 52–56; Брей, Трамп, 1990, с. 40, 79, 123, 177, 239, 249]). Лесные укрепленные дома представлены двумя основными вариантами, независимо сформировавшимися в неолите — начале эпохи бронзы. Первый вариант: укрепления, состоящие из обычного жилища, окруженного оборонительной стеной, иногда — с дополнительным напольным рвом. Второй вариант: огражденные рвом высокие жилые сооружения внушительных размеров (для неолита — эпохи бронзы площадью 140–600 м², со рвом — 210–1500 м²), внешние стены которых одновременно выполняли защитную функцию. Последние объекты развиваются из больших одиночных построек, распространенных в Приобье в неолите и энеолите. В эпоху бронзы и начале железного века такие дома дополняются оборонительной стеной: «комбинированный» вариант укрепленного жилища [Борзунов, 1999; Борзунов, Погодин, 2001; Борзунов и др., 2010, 2011].

Бревенчатые оборонительные стены и деревоземляная архитектура в целом наиболее оптимальны и распространены на территориях, богатых строевым лесом. Вряд ли их стоит искать в евразийских степях, пустынях Средней Азии, горных районах Юго-Восточной Европы и Передней Азии. Частоколы неолитических сибирских городищ, по-видимому, также являются местным изобретением. К их открытию лесные рыболовы и охотники могли прийти в процессе сооружения запорных устройств (запоры, заколы) на небольших реках для высокопроизводительной

ловли рыбы, а также при постройке жилых, хозяйственных и культовых объектов (избушки на обожженных сваях в заболоченной пойме; амбарчики, помещавшиеся на столбах и спиленных деревьях для защиты от грызунов). Так же независимо палисады были изобретены в неолите — начале железного века при возведении свайных жилищ, плотин и запруд в Западной Европе (озерные и болотные поселки Швейцарии, Германии, Франции, Италии, Британии, Ирландии, Дании) и других частях Старого Света. Попутно заметим, что частоколы вокруг поселков в целом встречаются довольно редко на Урале и в Западной Сибири вплоть до периода позднего средневековья.

Все сказанное выше, при имеющихся у нас данных, свидетельствует скорее о местном генезисе неолитических укреплений таежного Приобья, чем о заимствовании идеи их строительства в других регионах Евразии.

Судя по топографии, архитектуре и размерам поселков, их привязке к малым рекам, а также по собранным на них материалам (глиняная посуда, остеологические остатки, орудия, связанные с рыболовством, охотой, военными действиями, керамическим производством, обработкой камня, дерева, шкур и т.д.), западно-сибирские неолитические укрепления были явно полифункциональны. Кроме того, в них не обнаружено следов земледелия и скотоводства: все они сооружены таежными рыболовами, охотниками и собирателями. Это были центры общинных и, возможно, формирующихся племенных территорий, форпосты на новых освоенных землях, постоянные, а не временные убежища, круглогодичные селения, места сосредоточения производственной, хозяйственной и отчасти культовой деятельности. Убедительных данных, свидетельствующих о том, что это были только святилища, нет. Малые укрепления с одним-тремя жилищами малого и среднего размера (20–60 м²) являлись местами постоянного обитания и жизнедеятельности одной или нескольких больших семей. На огороженной площадке проживала, возможно, лишь часть населения поселка. Находки неолитической керамики, ям, очагов и жилых объектов за пределами «цитадели» предполагают наличие обширной жилой и хозяйственно-бытовой зоны со стационарными круглогодичными и легкими сезонными строениями. Малые укрепления со временем могли трансформироваться в большие городища. Даже самые ранние неолитические памятники таежного Приобья, такие как Амня I, демонстрируют постоянное совершенствование оборонительных систем и развитие типа поселка — от малого однодворного укрепленного жилища к «цитадели» с тремя постройками и «посадом» и затем, возможно, к двухплощадочному городищу. Сходным образом могло развиваться городище Имньеган 2.1. У двухплощадочного укрепления Бол. Умытья 57 со стороны оврага была сооружена дополнительная линия частокола, в результате чего поселение превратилось в подобие трехплощадочного. Такое могло происходить в условиях постоянной военной угрозы, роста численности общин и в процессе объединения нескольких коллективов в рамках одного, более высокого уровня. В свою очередь, население укрепленного центра должно было брать на себя обязательство защиты родственников, обитавших на соседних селищах и стоянках.

Поселения в тайге периодически горели, но восстанавливались и даже расширялись. Отдельные постройки разрушались врагами, но чаще ветшали, приходили в негодность, погибали от бытовых и лесных пожаров, затем руинировались и возводились на новом месте. Тем не менее никто не говорит об их ритуальном уничтожении. Наоборот, среди коренного населения Западной Сибири распространен обычай сезонного оставления летних и зимних поселков, а также их сохранения при перемещении общины по своей промысловой территории. При переселениях помещения чистились, что объясняет небольшое количество остатков в них. Мусор выбрасывали за пределы поселка. Вокруг домов археологических материалов мало. Основная масса находок сосредоточена в жилищах, меньшая — в валах, рвах и летних объектах. Более того, территория разрушенного поселения для строительства новых домов использовалась крайне редко. Такие места считались священными, связанными с миром мертвых, а свободных мест в тайге при малой плотности населения было предостаточно.

При раскопках установлено, что таежные неолитические святилища, поминальные и иные культовые места сооружались на руинах древних поселений из остатков их культурного слоя. Эти памятники многослойные, выглядят как холмы и курганы, чем отличаются от мест обычных поселений. В качестве примера можно привести известные неолитические «жертвенные» холмы Зауралья и Западной Сибири — Полуденский, Кокшаровский, Махтыльский, Усть-Вагильский, объект Чертова Гора (см.: [Старков, 1969б; Шорин, 2004; Баранов, 2008; Панина, 2008; Сладкова, 2008]). В целом же культовая практика органично входила в систему жизнедеятельности древнего населения и дополняла его основную производственно-бытовую сферу.

Неолитические укрепления и их прототипы таежного Приобья и Зауралья

Тем не менее некоторые археологи объясняют разрушение исследованных ими неолитических укреплений (городище Каюково 2, поселение Микишкино 5) следствием ритуальных действий — намеренного сожжения жилищ после того, как жители покинули их и забрали все пригодные вещи, а сами памятники определяют в качестве «сооружений культового назначения» [Ивасько, Кардаш, 2002, с. 41–42; Ивасько, 2008, с. 112–113]. Это крайне спорно и маловероятно.

Не только укрепления, но также их защитные системы были полифункциональными. «Функциональная недифференцированность» вообще является характерной чертой всех ранних фортификаций [Массон, 1981, с. 134]. Бревенчатые стены городищ не только служили для целей обороны, но и обозначали границы поселка, защищали его жителей от дикой фауны, наводнений, ветров, оползней, эрозии грунтов и т.д. Валы первобытных городищ — это не самостоятельные объекты, а только элементы фортификаций: они не сооружались без оборонительных стен. В западно-сибирской тайге валы крайне редко выступали подиумами для защитных стен, а в неолите вообще не использовались в таком качестве. Валообразные песчаные насыпи, фиксирующиеся вокруг лесных городищ, представляют собой остатки крепид оборонительных стен, обычно однорядных, а также забутовок двухрядных стен. Рвы в повседневной жизни выполняли чаще дренажную и водоотводную функцию, чем основную заградительную и сопутствующую — мест забора грунта для возведения насыпей. В них же иногда выбрасывали мусор из жилищ. Некоторые исследователи также полагают, что данные каналы могли использоваться и как противопожарные устройства. Вместе с тем для укреплений тайги, расположенных на песчаных террасах, это маловероятно. Дело в том, что стенки глубоких рвов практически всегда укреплялись деревом или дерном, точнее, пластами гумуса с лесной подстилкой. Высохшее дерево и хвойный опад легко воспламеняются и не препятствуют распространению низового пожара. Для защиты поселения от поджога и лесного пожара, устранения угрозы падения горящих сосен на фортификации и дома, а также для улучшения обзора местности перед городищем пространство за рвом обычно освобождалось от кустарников и больших деревьев на длину полета стрелы. Вырубка леса проходила одновременно с постройкой жилищ и оборонительных систем, для возведения которых требовалось много бревен, жердей, коры, бересты и других материалов.

Неолитические укрепления были построены различными по происхождению и уровню развития первобытными коллективами рыболовов и охотников с керамикой амнинского, каюковско-го, сумпаньинского, быстринского, полуденского и других типов. Разнообразие ранних лесных фортификаций при малом их количестве отражает многочисленные попытки создания для каждой территории оптимального варианта обороны поселка. При этом поселка, защищенного не столько от диких животных, сколько от враждебного социального окружения. Для защиты от зверей достаточно костра и жилища. Главной целью строительства первых крепостей в тайге была защита богатых рыболовных и охотничьих угодий, а не просто охрана людей. Дело в том, что большинство общинников проживало в неукрепленных селищах и стойбищах, хотя для обитателей таких поселков жизнь была не менее ценна, чем для населения древних «городков». Достаточно мощные и совершенные по меркам Западной Сибири эпохи камня укрепления типа Амни I, Имньёгана 2.1, Каюково 2, Бол. Умытьи 57 — это проявление и наглядная демонстрация силы, высокого технического уровня и социальной организации создавших их коллективов. *Появление укреплений в тайге — результат раздела и закрепления относительно свободных лесных территорий в условиях притока населения с юга в период климатического оптимума и жесткой конкуренции между общинами мигрантов, аборигенов и гетерогенных коллективов. Это соответствует общей этнической, демографической, экономической и военной ситуации, сложившейся в неолите во время первого относительно массового освоения пространств западно-сибирской тайги.*

Судьбы неолитических укреплений севера Евразии

Пути развития укрепленных поселений на севере и юге Западной Сибири после неолита неодинаковы. Энеолит в Зауралье и Западной Сибири (III тыс. до н.э.), совпавший с очередным плювиалом, был относительно мирным периодом экстенсивного освоения богатых биоресурсами (рыба, зверь, птица, ягоды, орехи и т.д.) глубинных лесных территорий. Помимо прочего, он отмечен увеличением числа селищ и стоянок, особенно на малых реках и озерах, перемещением стационарных поселков на высокие места, широким использованием приемов коллективной загонной охоты с помощью изгородей и ловчих ям, наряду с индивидуальным промыслом зве-

ря, сочетанием сетевого и заборного рыболовства. В энеолите, вероятно, уменьшился приток мигрантов с юга. Городища в Сибири исчезли, но в приобской тайге изредка возводились малые укрепленные жилища типа Волвончи I (ранний горизонт).

Первая половина и финал эпохи бронзы в Западной Сибири отмечены очередными периодами обострения военной напряженности и передела земель. В конце III — середине II тыс. до н.э. благодаря массовым миграциям скотоводческих племен городища распространились на громадных пространствах евразийских степей. В XVIII–XIV вв. до н.э. в западно-сибирской лесостепи и на южной кромке леса, явно при участии степных скотоводческих групп из Южного Урала, Казахстана и Верхнего Приобья, формируются гетерогенные общины с комплексным производящим и присваивающим хозяйством. Ими сооружаются здесь первые мысовые и береговые городища (Камышное II, Черноозерское VI, Инберень X, Черноозерское I, Сибсаргатка IV, возможно, Хутор-Бор-1 и Ямсыса VII — ранние рвы). В конце бронзового и начале железного века (начало — середина I тыс. до н.э.) оборонное зодчество развивается потомками этих коллективов (сузгунские, ирменские, красноозерские, карьковские, бархатовские, гамаюно-иткульские, иткульские, карагай-аульские, завьяловские городища). У охотников и рыболовов лесного Приобья и бассейна Пура в эпоху бронзы возводились только окруженные рвами мощные укрепленные дома, в том числе — с дополнительной оборонительной стеной. Городища — береговые, мысовые и в глубине террас — у них повторно появились только в конце бронзового и самом начале железного века (атлымские, барсовские, молчановские, белоярские, перегребнинские, кульминские, калинкинские укрепления).

Преемственности между городищами эпох неолита и бронзы в Западной Сибири не наблюдается. В приобской тайге в бронзовом веке продолжается развитие только больших укрепленных жилищ. На рубеже бронзового и железного веков принципы их строительства с мигрантами из бассейнов Конды и Тавды (лозьвинская, гамаюнская культуры) были принесены в лесное Зауралье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бадер О.Н.* Археологические исследования на Урале в 1946 г. // КСИИМК. 1948а. Вып. 20. С. 78–81.
- Бадер О.Н.* Неолитическая стоянка на р. Полуденке близ г. Тагила // Первое УАС. Молотов: Изд-во ПГУ, 1948б. С. 37–40.
- Бадер О.Н.* Новый тип неолитического поселения на Урале // СЭ. 1949. № 2. С. 144–150.
- Баранов М.Ю.* К истории изучения Полуденских холмов в XIX — середине XX вв. // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 114–127.
- Бессмертных А.Н., Карачаров К.Г.* Экспертные работы в Нижневартовском и Сургутском районах Тюменской области // АО 1995. М.: Наука, 1996. С. 314–315.
- Борзунов В.А.* Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. 1999. № 4. С. 5–23.
- Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л. и др.* Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 184–220.
- Борзунов В.А., Погодин А.А.* Раскопки укрепленного жилища Быстрый Кульёган 38 // АО 2000. М.: Наука, 2001. С. 206–207.
- Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г.* Быстрый Кульёган-38 — укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 55–69.
- Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь: Пер. с англ. с доп. М.: Прогресс. 368 с.
- Васильев Е.А.* Исследования в Нижнем Приобье // АО 1983. М.: Наука, 1985. С. 193.
- Васильев Е.А.* Миграционные процессы в таежной полосе Западной Сибири в неолитическую эпоху (причина и динамика) // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987а. С. 13–14.
- Васильев Е.А.* Раскопки поселения Чэс-тый-яг // АО 1985. М.: Наука, 1987б. С. 228–229.
- Васильев Е.А.* К проблеме среднеазиатско-западносибирских связей в неолитическую эпоху // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. Барнаул, 1991. С. 31–33.
- Васильев Е.А.* Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 296–301.
- Глушков И.Г., Собольникова Т.Н.* Гончарные традиции низовьев Конды в эпоху неолита // Проблемы неолита — энеолита юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 108–122.
- Горбунова Т.А., Толпеко И.В.* Раскопки в Усть-Тарском археологическом микрорайоне // АО 2001. М.: Наука, 2002. С. 405–406.
- Джандиери М.И.* Древнее башенное оборонное жилище // ВДИ. 1981. № 2. С. 118–155.

Неолитические укрепления и их прототипы таежного Приобья и Зауралья

- Зах В.А. Периодизация неолита Приобья // Археологические культуры и культурно-хронологические общности Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН: УрГУ, 1993. С. 59–60.
- Зах В.А. Боборыкинский комплекс поселения Юртобор 3 в Нижнем Приобье // Древняя и современная культура народов Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1995. С. 60–70.
- Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.
- Зах В.А. К проблеме неолитизации Западной Сибири // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. С. 60–70.
- Зах В.А., Исаев Д.Н. Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций в неолите Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2. С. 4–14.
- Ивасько Л.В. Неолитическое городище Каюково 2 в Среднем Приобье // Сев. археол. конгр.: Тез. докл. Екатеринбург, 2002а. С. 52–54.
- Ивасько Л.В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002б. С. 7–25.
- Ивасько Л.В. Раскопки укрепленного поселения каменного века Каюково II // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 228–229.
- Ивасько Л.В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 112–122.
- Ивасько Л., Кардаш О. По следам огня: Открытие нового городища каменного века // Родина. Спец. вып. М., 2002. С. 40–42.
- Ивасько Л., Кондрашев А. Укрепленное поселение каменного века городище Каюково 2 // Вестн. культуры. Ханты-Мансийск, 2001. № 21. С. 2–3.
- Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.
- Ковалева В.Т. К.В. Сальников и проблема изучения боборыкинской культуры // XIV УАС: Тез. докл. Челябинск, 1999. С. 25–27.
- Ковалева В.Т. О роли кошкинской и боборыкинской культур в культурогенезе северных районов Зауралья и Западной Сибири // II Сев. археол. конгр.: Тез. докл. Екатеринбург, 2006. С. 55–56.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 30–43.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: (Боборыкинская культура). Екатеринбург: Центр «Учеб. книга», 2010.
- Корякова Л.Н. Еще одно издание материалов Барсовой Горы (Барсова Гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. — Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2008) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2009. Вып. 7. С. 342–344.
- Косинская Л.Л. Неолит севера Западной Сибири: Проблема южных связей // XIV УАС: Тез. докл. Челябинск, 1999а. С. 27–28.
- Косинская Л.Л. О схемах развития северного неолита // Обские угры. Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999б. С. 38–41.
- Косинская Л.Л. О некоторых традициях домостроительства на севере Западной Сибири // XV УАС: Тез. докл. Оренбург, 2000. С. 46–47.
- Косинская Л.Л. Памятники быстринского типа в Сургутском Приобье (эпоха неолита) // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: РИО СурГПИ, 2001. С. 12–17.
- Косинская Л.Л. Неолит севера Западной Сибири: Генезис и связи // Твер. археол. сб. Тверь: Изд-во ТГОМ, 2002а. Вып. 5. С. 215–223.
- Косинская Л.Л. О некоторых проблемах неолитоведения Урала и Западной Сибири // Сев. археол. конгр.: Докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002б. С. 172–178.
- Косинская Л.Л. Работы Северотаежной экспедиции Уральского ГУ на севере Тюменской области // АО 2001. М.: Наука, 2002в. С. 431–433.
- Косинская Л.Л. Жилища поселения Быстрый Кульёган 66 // Западная Сибирь: Прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 2004. С. 226–241.
- Косинская Л.Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 16–40.
- Косинская Л.Л. Сырьевая стратегия и камнеобработка как аспекты культурной адаптации (по материалам неолитических памятников севера Западной Сибири) // Урал. ист. вестн. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2010. № 2 (27). С. 13–24.
- Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., Беспрозванный Е.М. Радиоуглеродная хронология археологических памятников таежной зоны Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 17–32.
- Массон В.М. Алтын-Депе: Раскопки города бронзового века в Южном Туркменистане. Л.: Наука, 1981. 176 с. (Тр. ЮТАКЭ; Т. 18).

В.А. Борзунов

- Массон В.М., Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., Черныш Е.К. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. 360 с. (Археология СССР).
- Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 143–169.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. 1. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 490 с.
- Панина С.Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме: (2005–2006 гг.) // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 137–146.
- Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «Графо», 2006. 352 с.
- Погодин А.А. Каменный век на территории Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 5–15.
- Погодин А.А. Поселение Большая Умытья 9: Результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 146–183.
- Погодин А.А., Миронов П.В. Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытья 57 в Советском районе ХМАО — Югры (по материалам исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2009. Вып. 7. С. 132–167.
- Поселение Быстрый Кульёган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Кол. моногр.; Под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. 192 с.
- Сладкова Л.Н. Чертова Гора — неолитический памятник в бассейне Конды // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 147–158.
- Старков В.Ф. Работы Западносибирского отряда МГУ // АО 1968. М.: Наука, 1969а. С. 194–196.
- Старков В.Ф. О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье // Вестн. МГУ. Сер. ист. М.: Изд-во МГУ, 1969б. № 5. С. 72–77.
- Стефанов В.И., Борзунов В.А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 гг.) // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 93–111.
- Стефанов В.И., Борзунов В.А., Погодин А.А., Корочкова О.Н. Городище каменного века Амня I: Новые данные // XIV УАС. Челябинск, 1999. С. 43–44.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 34–64.
- Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 7–71.
- Шорин А.Ф. Кокшаровский холм: Святилище на холме // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. С. 87–94.

Екатеринбург, Уральский федеральный университет
victor.borzunov@usu.ru; PNIAL@usu.ru

The article outlines six expansion stages regarding fortified settlements of the Old World in VIII thous. B.C. — III c. A.D. It gives a general description of ten Neolithic fortified settlements and their prototypes of VI–IV thous. B.C., which were discovered in West Siberian and Trans Ural taiga, considering reasons of their formation. The Neolithic forest fortifications of 260–1900 m² in area are located on capes, edges of terraces, in the shore recess, protected by palisades, log walls, and ditches. Those were built and probably invented by primitive groups of taiga fishermen and hunters. The main reason of their origin seems to be an allotment and assignment of relatively free game territories due to an influx of new population from the south during a period of climatic optimum, and a severe competition among the communities.

West Siberia, Trans Urals, Neolithic Age, fortified settlement.